

УДК 167.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-21-32

## ОБРАЗЫ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

**Тухватулина Лиана Анваровна** – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru; ORCID: 0000-0002-9390-9701

В статье предпринимается попытка реконструировать некоторые особенности формирования образа науки в современном обществе. При этом современное общество (вслед за немецким социологом Нико Штером) понимается в первую очередь как общество знания (knowledge society). Основной тезис статьи состоит в том, что образ науки формируется в рамках социологических и социально-эпистемологических исследований науки и лишь затем воспринимается обществом как общезначимый. Специфика этого образа определяет основные черты общества знания, где политическая легитимность основывается на экспертизе, социальные конфликты зависят от борьбы за право определения общечеловеческих нужд, обладание знанием становится фактором неравенства, а человек рассматривается как носитель ответственности за социальные риски принимаемых им решений. Благополучие в обществе знания связывается с развитием науки, однако отношение к научному знанию становится всё более противоречивым. Размыванию его авторитета, по мнению автора, способствовали в том числе философские исследования науки. Отказ от классического образа научной рациональности – в частности, от кумулятивной модели накопления знания, критика экспертизы как формы присвоения политической власти, разоблачение научного консенсуса как «сфабрикованного согласия» способствуют укреплению недоверия науке. В заключение ставится вопрос о необходимости изменения вектора эпистемологических исследований науки в связи с этими тенденциями в отношении к научному знанию.

**Ключевые слова:** наука, общество знания, экспертиза, общество, дениализм

*Цитирование:* Тухватулина Л.А. Образы науки в обществе знания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 21-32. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-21-32

*Рукопись получена: 23 ноября 2023*

*Пересмотрена: 13 декабря 2023*

*Принята: 14 декабря 2023*

## IMAGES OF SCIENCE IN THE KNOWLEDGE SOCIETY

**Liana A. Tukhvatulina** – PhD in Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1, Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru; ORCID: 0000-0002-9390-9701

The author tries to reconstruct some features of the formation of the image of science in modern society. The modern society (following the German sociologist Nico Stehr) is understood primarily as a knowledge society. The main thesis of the article is that the image of science emerges within the framework of sociological and socio-epistemological studies of science and only then is perceived by society as generally significant. The specificity of this image determines the main features of a knowledge society, where political legitimacy bases on expertise, social conflicts result from the struggle for the right to determine universal human needs, the possession of knowledge becomes a factor of inequality, and a person is considered as a bearer of responsibility for the societal risks of the decisions he or she makes. Well-being in a knowledge society is associated with the development of science, but attitudes towards scientific knowledge are becoming increasingly contradictory. The author believes that the erosion of authority of science has also been facilitated by philosophical studies of science. Refusal of the classical image of scientific rationality, criticism of expertise as a form of appropriation of political power, and exposure of scientific consensus as a “fabricated consensus” contribute to the strengthening of distrust in science. In conclusion, the author raises the question about the need to change the direction of epistemological research of science in the context of negative trends in relation to scientific knowledge.

**Keywords:** science, knowledge society, expertise, society, denialism

*How to cite:* Tukhvatulina, L.A. (2023). Images of science in the knowledge society. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 21-32. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-21-32 (In Russian)

*Received:* 23 November 2023

*Revised:* 13 December 2023

*Accepted:* 14 December 2023

Современное общество в работах исследователей обозначается как «общество риска», «общество потребления», «информационное общество», «цифровое общество», «постиндустриальное общество» и т. д. Несмотря на различия подходов к объяснению его специфики, пожалуй, можно утверждать, что их всех объединяет признание решающей роли знания в организации этого общества. Знание рассматривается как ключевой фактор экономического ро-

ста и становится важнейшим ресурсом политической легитимности. Отношение к тому или иному типу знания оказывается основанием для самоидентификации человека. С обладанием знанием связываются надежды на построение более справедливого и благополучного мира. При этом оно же является источником новых рисков и угроз. Несмотря на то, что сетевая структура современного общества предполагает множественность форм знания, невозможно отрицать то, что научное знание в нём занимает совершенно особое место. При этом представления об устройстве научного познания и об общественной миссии науки сегодня в значительной степени определяются теми образами науки, которые появляются в рамках исследований по социальной эпистемологии. Эти исследования в целом ориентированы на анализ процесса производства научного знания и разоблачение определённых мифов, закреплённых в рамках классической модели рациональности в науке. В этой статье я хотела бы дать обобщённую характеристику некоторых трендов в социально-эпистемологических исследованиях науки в той мере, в какой они определяют образ науки в контексте становления общества знания.

В своей книге «Капитализм знания» немецкий социолог Нико Штер – автор концепции общества знания – среди прочих его характеристик выделяет следующие:

- политическая легитимность в обществе знания основывается на экспертизе;
- нарастают ожидания, связанные с тем, что люди возьмут на себя весомую долю ответственности за решения, которые они принимают, а также за последствия и риски этих решений;
- обладание знанием (особенно тем, которое может лечь в основу экспертизы) становится фактором социальной солидарности и социального неравенства;
- наблюдается изменение природы социальных конфликтов – от борьбы за распределение благ и прав собственности к борьбе по поводу определения общечеловеческих нужд (Stehr, 2022, pp. 179-180).

При этом «ключевая особенность общества знания – в том, что наука и технологии одновременно способны инициировать сопротивление и защиту гомогенной трансформации (общества – Л.Т.). Дело в том, что наука и техника обладают серьёзными возможностями, которые способны увеличивать и расширять социальные действия, преумножать количество доступных стратегий, создавать множество центров силы в обществе, повышать гибкость или влиять на способности власть имущих осуществлять контроль и сдерживание, которые ограничивают выбор, сокращать варианты, минимизировать иллюзию уверенности, определять издержки и риски» (Stehr, 2022, p. 180). Глобальная трансформация современного общества требует постановки вопроса о том, может ли знание

(и обладание знанием) определять специфику социальной стратификации, классовую структуру общества, распределение власти (не в смысле формальных полномочий, а как возможности задавать характер принимаемых политических решений), оказывать влияние на изменения в сфере повседневности и частной жизни человека. Утвердительный ответ на этот вопрос осложняется многообразием режимов производства знания, что не позволяет говорить о безусловной монополии науки на знание.

Собственно, монополия науки на привилегированный доступ к действительности «как она есть» размывалась в связи с разрушением классического «мифа» о науке. Основы этого «мифа» связаны с новоевропейским представлением о рациональности как незамутнённом зеркале природы. Этот образ рациональности подразумевал, что поскольку «разум человека и постигаемая разумом природа действуют на основе устойчивых, неизменных принципов, то и отношение между ними тоже предполагается устойчивым и неизменным. В таком случае задача философа заключается в том, чтобы анализировать и объяснять неизменные и универсальные принципы человеческого понимания, согласно которым формировались идеи и которые управляли человеческим мышлением. ... Неизменный разум господствует над неизменной природой согласно неизменным принципам. Реальным был лишь вопрос: „Каковы эти неизменные принципы?“» (Тулмин, 1984, с. 36). Изрядное влияние на разрушение этого образа оказало развитие социологических исследований науки, а также социальной эпистемологии. В рамках этой повестки произошёл радикальный разрыв с идеей объективности как эпистемической незамутнённости научного метода, знание предстало в виде конструкта, будучи неразрывно связанным с социально-историческим, политическим, институциональным контекстом (Аргмакова, 2022). Социальная оптика определила отказ от представления о кумулятивном характере развития научного знания и научном прогрессе (Соколова, 2023), о поступательном движении от незнания к знанию, о планомерном научно-техническом овладении миром и постепенном вытеснении иных форм рациональности. Неокантианский тезис о свободе от оценки как принципе научного познания был поколеблен дискуссией о невозможности существования науки, свободной от ценностей, не связанных напрямую с поиском истины (*value-free science*). Позитивистские поиски «чистого» метода – от естественных наук до социально-гуманитарных дисциплин – сменились дискуссией о теоретической нагруженности познания, о концептуальных рамках, которые определяют условия видимости, объяснимости и подконтрольности исследуемых феноменов. Кажется, эпистемологи сегодня сходятся во мнении, что «когда конкурирующие практические и эпистемические ценности становятся предметом дискуссий между учёными, или же между учёными и обывателями, рацио-

нальность в науке работает лучше, если эти нормативные различия становятся видимыми, и если признаётся то обстоятельство, что, будучи познающими субъектами, мы всегда связаны обязательствами относительно того, что мы считаем ценным, как мы получаем знание и во что верим» (Doppelt, 2007, p. 214).

Социальные предпосылки познания занимают центральное место и в нормативных подходах современной эпистемологии – например, в эпистемологии добродетелей, которая развивалась в том числе как ответ на теоретические вызовы постпозитивизма, пошатнувшего веру в авторитет и нормативную функцию классической эпистемологии. Так, с позиции эпистемического ситуационизма Д. Притчард показывает, что формирование убеждений и приобретение знаний решающим образом определяется влиянием среды на субъекта. С точки зрения качества приобретаемого знания удачное расположение субъекта в информационном пространстве позволяет ему минимизировать личные усилия (применение интеллектуальных добродетелей) в процессе познания. Неудачное расположение (например, попадание в такой информационный пузырь, где распространяются антинаучные убеждения или же дезинформация), наоборот, потребует экстраординарных усилий, едва ли не когнитивного героизма, которого невозможно ожидать от каждого – пусть даже и ответственного – субъекта. Подобный взгляд на специфику познания смещает фокус внимания с познающего субъекта на среду, в которой он пребывает. Одним из следствий такого сдвига становится дискуссия о допустимости технологических интервенций, которые позволили бы ограничивать распространение ложной информации или же способствовали бы потреблению конкретного типа контента. Несмотря на то, что эта дискуссия затрагивает чувствительные морально-политические вопросы (в том числе проблему цензуры), технологии «подталкивания и продвижения» (*nudge and boost*) «правильной» информации уже сейчас находят применение в цифровой реальности. Помимо прочего, ситуационизм по-новому обозначает область эпистемической ответственности: субъект отвечает не столько за убеждения, носителем которых оказывается, сколько за выбор среды, способствующей формированию этих убеждений. Однако поскольку нахождение в той или иной среде вовсе не всегда является результатом осознанного выбора, ответственность размывается и приходится признавать, что формирование убеждений происходит по большей части спонтанно. В этой связи любопытно, что и незнание в современных эпистемологических концепциях всё реже рассматривается как предмет персональной ответственности субъекта – его добровольное невежество (*willful ignorance*), а всё чаще трактуется как следствие эпистемической несправедливости и порождаемых ею искажений в ходе производства и распределения знания (Костина, 2023).

Меняется и облик дискуссии об объективности в познании. В современных теориях часто претензия на объективность и истинность суждений сопровождается легитимным вопросом – «истина, объективность – с чьей перспективы?». Признание историчности, локализованности, телесности субъекта считается не столько препятствием, сколько условием возможности дискуссии об объективности, в рамках которой признаётся «радикальная историческая случайность всех претензий на знание и познающих субъектов», а задачей становится «критическая практика распознавания наших собственных “семиотических технологий” создания значений...» (Nagawau, 1988, p. 579). Отрицание такого образа объективности, а также реактуализация её классического идеала рассматриваются как нелегитимная попытка вытеснить ту или иную «перспективу» из сферы познания, препятствуя тем самым формированию солидарности по принципу «общности перспективы» и возможности коллективного действия.

Исследования науки и техники также не оставляют места для дискуссии об объективности как возможности занять уникальную эпистемическую позицию, обеспечивающую доступ к природе вещей. Наиболее радикальная позиция в этом контексте связана с развитием тезиса о науке как феномене постистины (С. Фуллер). Постистина в данном случае понимается как непрерывная борьба за право определения режима истинности, в которой участвует всякая система знания. Поскольку принципы приписывания суждениям истинности рассматриваются как результат политического (в широком смысле) противостояния, всякая претензия на эпистемическое превосходство объявляется неправомерной. Системы знания не могут быть упорядочены иерархически, они скорее образуют сетевую структуру. Очевидно, что здесь и наука лишается права на признание за ней когнитивного верховенства по отношению ко всем остальным формам познавательной практики. Основания для скепсиса по поводу науки создают в первую очередь исследования по социологии науки и социальной эпистемологии. В этой оптике «наука – то, что образуется, когда опубликована научная статья, а не то, что обеспечило публикацию этой статьи, поскольку реализующийся ход исследований всегда открыт для множества противоборствующих интерпретаций» (Фуллер, 2021, с. 113). Действительно, положение дел в науке, а также состояние научного знания по поводу той или иной проблемы оказываются доступными как профессиональному сообществу, так и более широкому кругу наблюдателей благодаря научным журналам. Именно журналы обеспечивают максимально оперативную коммуникацию как внутри научного сообщества, так и между учёными и внешней аудиторией. Эта функция ключевого посредника налагает на редколлегии дополнительные обязательства, связанные с тем, что повестка научных журналов задаёт и повестку научных дискуссий.

То, какие проблемы, позиции и подходы будут представлены на страницах изданий, во многом определяет и вектор дальнейших исследований в науке. При этом редакционная политика журналов (особенно в социально-гуманитарной сфере) нередко становится фактором несправедливого распределения внимания по отношению к тем или иным подходам и проблемам. Стоит подчеркнуть, что этот эффект неминуемо возникает на «рынке идей» и лишь усиливается благодаря добросовестной работе редколлегий, придерживающихся определённых принципов редакционной политики. При этом чем яснее задана редакционная политика журнала, чем конкретнее определена его повестка, тем плотнее информационный пузырь, который формируется этим журналом. Авторитет журнала, подкрепляемый его наукометрическими показателями, обеспечивает интерес читательской аудитории и воспроизводство предлагаемой повестки на страницах других научных изданий. Подобная механика агрегации и трансляции знания сопряжена с целым рядом случайных факторов, внимание к которым способствует сомнению в объективной значимости предлагаемой повестки.

Столь же условный характер носит и научный консенсус. Поскольку научное знание имеет рефлексивный характер, а динамика его развития описывается как постоянное движение между знанием и незнанием, оформление консенсуса может рассматриваться как результат волевого (а значит, не-неотменимого) решения о приостановке научных споров, а само согласие – как своего рода фикция. По-видимому, эта фикция необходима прежде всего в тех областях научного знания, которые напрямую связаны с экспертизой. Именно экспертное сопровождение политических решений требует от учёного сообщества единодушия в понимании природы и способов решения общественно значимой проблемы, и именно в этой сфере разногласия в сообществе может служить фактором дискредитации экспертных решений. Экспертная деятельность предполагает, что сомнение как имманентная черта научного познания выносится за скобки, то есть остаётся в поле научной дискуссии, но не допускается в сферу экспертизы<sup>2</sup>. Такое условие является обязательным для реализации режима, при котором экспертные решения обретают безотлагательный характер и обеспечиваются силой политического принуждения. Экспертиза, которая нередко реализуется в режиме чрезвычайного положения (как в случае с пандемией коронавируса), предполагает, что за рамки дискуссии выносятся и мера компетентности официальных экспертов, а значит и легитимность экспертизы. При том, что такие категории, как компетентность и экспертиза, призваны служить знаком качества

---

<sup>2</sup> Здесь показателен пример пандемии, когда дискуссии о лабораторной утечке как возможном источнике коронавируса табуировались в академическом сообществе в связи с возможными политическими рисками распространения этой информации.

транслируемого знания для обывателя, сами критерии экспертности и компетентности «являются довольно растяжимыми, поскольку их условия определяются силовой динамикой, устанавливающейся между специфическими коалициями заинтересованных сторон» (Фуллер, 2021, с. 113). Однако «коалиции заинтересованных сторон» могут формироваться не только под воздействием внутринаучной борьбы за академическое признание, но и при активном влиянии иных – вненаучных – факторов. Часто решающую роль в кооптации представителей научного сообщества в состав экспертных групп имеет политическая лояльность – причём не в смысле личного одобрения господствующими элитами, а в связи с соответствием транслируемого знания актуальным политическим задачам. Несмотря на то, что сама идея экспертизы предполагает готовность политиков следовать за рекомендациями экспертов, атрибуция звания официального эксперта остаётся прерогативой власти и потому оставляет большие возможности для контроля над экспертизой. В качестве ответа на этот и другие риски, связанные с экспертизой, в современной эпистемологии формулируется требование об изменении критериев участия в экспертизе, о допуске не только профессионалов, но и иных заинтересованных лиц (носителей локального знания) к формированию экспертных решений (Антипов, Шевченко, 2022; Масланов, 2020; Шиповалова, 2021 и др.).

Расширение сферы применения экспертизы и всё нарастающая включённость науки в общественные дискуссии могут интерпретироваться как аргумент в защиту тезиса о поступательной рационализации как глобальной тенденции развития общества. Однако можно говорить и о наличии противоположного тренда, который связан со значительным ростом недоверия учёным, с возрастающей популярностью псевдо- и антинаучных идей, распространением дениализма (как формы отрицания научного консенсуса вне нормативных рамок научной дискуссии). «“Тревожное” сохранение традиционных верований, или даже процесс “дерационализации” в некоторых сферах общества, даёт веские основания усомниться в общем утверждении об универсальной эффективности научного знания и непрестанном и непреодолимом стремлении к большей рационализации всех сфер жизни. Модернизация и рационализация не обязательно совпадают. Таким образом, требуется признание взаимной важности процессов рационализации и контррационализации, а также сохранения традиционных верований. Более сбалансированная точка зрения учитывала бы ограниченность силы научного знания в современном обществе и не допустила бы ошибки чрезмерной приверженности рационализации или традиции» (Stehr, 2022, p. 13). И всё же, несмотря на справедливость тезиса о наблюдаемых симптомах дерационализации, следует отметить, что авторитет науки как привилегированной формы



рациональности не ставится под сомнение даже сторонниками антинаучного протеста (Тухватулина, 2023). В рамках распространяющегося сегодня дениализма противники официальной экспертизы вовсе не стремятся выстроить аргументацию на альтернативных науке мировоззренческих основаниях (как это делают, например, сторонники псевдонауки вроде астрологии). Дениалисты (будь то антипрививочники или отрицатели изменения климата) борются против «плохой» науки, против экспертной предвзятости и политической ангажированности учёных. Основным поводом для противодействия становится укрепление тандема между учёными и политиками, а также активное вторжение экспертизы в частную жизнь обычного человека. В ходе этой экспансии размывается граница между публичным и приватным. Экспертные решения, которые всё чаще подкрепляются силой политического аппарата, требуют от людей серьёзных изменений как в вопросах, касающихся их здоровья и благополучия (например, вакцинация), так и в повседневных привычках (например, отдельный сбор мусора или отказ от личного автомобиля), поскольку прежняя рутина объявляется фактором глобальных рисков. Иными словами, вопросы, которые ранее были предметом личного самоопределения человека, сегодня становятся объектом всеобщего беспокойства и обретают общественно-политическое значение. Нежелание или отказ следовать экспертным рекомендациям в этих областях выступают как повод для морального осуждения человека или даже символического ostracism (ставится вопрос о возможности ограничения в правах тех, чей отказ от признания экспертизы создаёт дополнительные риски для других граждан). Ответной реакцией на такое давление является борьба за право на альтернативное самоопределение, на сопротивление «экспертному децизионизму». Директивный характер экспертной политики вызывает недовольство, которое формулируется как вопрос о том, в чьих интересах действуют эксперты и почему право на несогласие подвергается всё большему ограничению по мере расширения экспертного сопровождения политики. Всё это позволяет говорить о том, что протест против экспертов в современном мире имеет политическое измерение. Причём появление такой формы протеста вполне соответствует образу «общества знания»: если политическая легитимность основывается на обладании знанием, то протест против политических элит предполагает прежде всего сомнение в валидности этого знания. Как отмечает Нико Штер, «выдвинутый здесь тезис не подразумевает, что общества знания становятся едиными социальными и интеллектуальными сущностями. Это позволяет, например, сосуществовать (даже в условиях взаимозависимости) исторически различным формам социальной организации и мысли. Общества знаний не означают конец идеологии или иррациональности» (Stehr, 2022, p. 180).

В этой статье обозначены лишь некоторые особенности трансформации науки, зафиксированные в современных социально-эпистемологических исследованиях. Однако и они позволяют говорить о том, что на смену образу науки, связанному с классическим идеалом рациональности, приходит гораздо более сложная картина научного познания как социально укоренённого процесса. Отказ от идеи о кумулятивном развитии знания, о научном консенсусе как установлении истины, об экспертизе как эффективном способе реорганизации реальности с опорой на научное знание приводят к развенчанию «мифа» о науке. Экспансия научной экспертизы в сферу частного вызывает сопротивление и распространение антинаучных убеждений, что, в свою очередь, создаёт новые вызовы в обществе знаний. Нельзя не отметить, что отношение к науке и учёным в существенной мере определяется их репрезентацией в философских исследованиях по науке и технике. И в этой связи философы сталкиваются с дилеммой, которую им ещё предстоит разрешить: следует ли, придерживаясь принципов интеллектуальной честности, занимать критическую позицию в отношении процесса производства научного знания, или же необходимо сосредоточиться на построении нового, не стеснённого рамками классической рациональности «мифа» о науке? От способа разрешения этой дилеммы во многом зависит динамика отношений между обществом и наукой в условиях их возрастающей взаимозависимости.

### **Информация о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

### **Declaration of Conflicting Interests**

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

### **Список литературы**

Антипов, Шевченко, 2022 – *Антипов А.В., Шевченко С.Ю.* Биэтика и этика концептов вокруг движения за права индивидов // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 4. С. 685-696.

Аргамасова, 2022 – *Аргамасова А.А.* Объективность и метод социальной эпистемологии // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 6-14.

Костина, 2023 – *Костина А.О.* Роль незнания в эпистемических практиках: перспектива эпистемологии добродетелей и феминистской философии и методологии науки // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 2. С. 43-59.

Масланов, 2020 – *Масланов Е.В.* Коллективный субъект научного познания: мега сайенс, гражданская наука, контрэкспертиза // Философия науки. 2020. № 3 (86). С. 3-14.

Соколова 2023 – Соколова Т.Д. Концептуализация научного прогресса: случай исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 23-34.

Тулмин, 1984 – Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.

Тухватулина, 2023 – Тухватулина Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 1. С. 6-20.

Фуллер 2021 – Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

Шиповалова, 2021 – Шиповалова Л.В. О субъекте «права на природу». Или эксперты-посредники в Новое время и в современности // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 3. С. 132-148.

Doppelt, 2007 – Doppelt G. The value ladenness of scientific knowledge // Value-Free Science? Ideas and Illusions / Eds. H. Kincaid, J. Dupré, A. Wylie. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 188-217.

Haraway, 1988 – Haraway D. Situated knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14. No. 3. Pp. 575-599.

Stehr, 2022 – Stehr N. Knowledge Capitalism. N. Y.; L.: Routledge, 2022. 392 p.

## References

Antipov, A. V., Shevchenko, S. Yu. (2022). Bioethics and conceptual ethics in the disability rights movement. *The Journal of Social Policy Studies*, 20 (4), 685-696. (In Russian)

Argamakova, A. A. (2022). Objectivity and method of social epistemology. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4), 6-14. (In Russian)

Doppelt, G. (2007). The value ladenness of scientific knowledge. In H. Kincaid, J. Dupré, A. Wylie (Eds.). *Value-Free Science? Ideas and Illusions* (pp. 188-217). Oxford University Press.

Fuller, S. (2021). *Post-Truth: Knowledge as Power*. Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Haraway, D. (1988). Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*, 14 (3), 575-599.

Kostina, A. O. (2023). Ignorance the in epistemic practices: The standpoints of virtue epistemology and feminist philosophy and methodology of science. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 7 (2), 43-59. (In Russian)

Maslanov, E. V. (2020). The collective subject of scientific knowledge: megascience, citizen science, counter-expertise. *Philosophy of Sciences*, 86 (3), 3-14. (In Russian)

Shipovalova, L.V. (2021). The owner of the right over nature, or expert mediators in the modern era and at present. *Epistemology & Philosophy of Science*, 58 (3), 132-148. (In Russian)

Sokolova, T. D. (2023). Conceptualizing scientific progress. The case of historical epistemology. *Epistemology & Philosophy of Science*, 60 (2), 23-34. (In Russian)

Stehr, N. (2022). *Knowledge Capitalism*. Routledge.

Toulmin, S. (1984). *Human Understanding*. Progress Publ. (In Russian)

Tukhvatulina, L.A. (2023). Science as an object of faith and distrust: the phenomenon of denialism. *Epistemology & Philosophy of Science*, 60 (1), 6-20. (In Russian)